

ПИСЬМА ГРАВЕРА М. И. МАХАЕВА

Сообщение М. Ильина

В первые годы революции в Рыбинское архивное бюро поступили материалы из усадьбы Тихвино-Никольское, устроителем и первым владельцем которой был некий Николай Иванович Тишинин (1727—1773). Биографические сведения, которыми мы располагаем о нем, довольно немногочисленны. Известно, что в молодости он служил в гвардии, в 1761 г. вышел в отставку, «осел» на землю и занялся устройством своих имущественных дел, в частности—строительством вышеупомянутой усадьбы.

Повидимому это был довольно типичный представитель верхнего «просвещенного» слоя среднепоместного дворянства той эпохи. Покончив со службой, он довольно интенсивно развил хозяйственную деятельность, которой придавал очевидно немалое значение. Это видно например из того, что он хлопотал о включении в изготавлявшуюся тогда карту империи своих собственных имений. Живя в усадьбе, он внимательно следил за текущей политической жизнью, интересовался литературой и журналистикой, собирал библиотеку, даже сам пытался сочинительствовать, был, короче говоря, человеком того склада, наиболее ярким примером которого является Болотов.

Наибольший интерес среди сохранившихся после него архивных материалов представляют две книги так называемых «приказов», где Тишинин чуть ли не изо дня в день фиксировал свои распоряжения крепостным, договоры с посторонними лицами, с которыми приходилось ему сталкиваться по хозяйственным делам, и т. д. Сюда же включал он копии писем, отправляемых им своим корреспондентам, принадлежавшим к самым различным социальным кругам и занимавшим самые различные места в современной служебной иерархии. В особую книгу вплетались им все полученные письма, снабжаемые точной отметкой о годе, месяце и дне получения. Относятся как те, так и другие материалы к последним годам жизни Тишинина. Некоторые содержащиеся здесь данные заставляют предполагать, что имелось еще какое-то собрание писем, относящихся к более раннему периоду; это собрание до нас однако не дошло.

В этом эпистолярном фонде особое внимание привлекают письма художника-гравера Михаила Ивановича Махаева, связанного с Тишининым длительными и прочными деловыми и родственными отношениями.

О существовании его переписки с Тишининым московским искусствоведам стало известно еще в 1926 г. То обстоятельство, что документальное наследие эстетического быта XVIII в. исключительно бедно и что, в частности, письма русских художников этой эпохи насчитываются буквально единицами, обеспечило этой находке внимание искусствоведческой общественности. Тогда же покойный В. В. Згура предпринял некоторые шаги к их опубликованию, но его смерть оборвала эту работу. В большей своей части письма были дешифрованы Е. В. Сосниной-Пущило, ныне также покойной. Продолжила эту работу, проверив одновременно уже дешифрованные письма и сделав ряд ценных общих замечаний по Тишининскому архиву, С. Н. Талантова.

Прежде чем перейти к характеристике писем, приведем те немногие биографические данные о Махаеве, которые сохранила нам история.

Михаил Иванович Махаев род. в 1716 г. В 1729 г. он был взят в академическую школу для обучения ландкартному делу. В 1754 г. Махаев числится подмастерьем «грыдоровального» художества и гравировал планы и ландкарты, «снимает проспекты» и т. п. В 1757 г. он уже мастер ландкартного дела, с жалованием в 300 р. Учителями его были Валериани¹, у которого он учился перспективе, и Я. Штелин², апробировавший немало работ Махаева. Умер в 1770 г. Этими скудными сведениями, приводимыми Ровинским в его капитальном «Словаре русских граверов», и исчерпываются все печатные сообщения о гравере.

Махаев принадлежал к тому новому типу художников, который сложился в меркантильную, сугубо «делаческую» петровскую эпоху. В этих художниках, занятых преимущественно выполнением работ, имевших узко практическое назначение, художник был подчас неотделим от ремесленника.

Имя Махаева не блещет в ряду имен выдающихся мастеров, поставивших в XVIII в. граверное искусство в России на высоту гравюры западной, он не создал ничего оригинального в этом виде искусства и всю жизнь был скромным последователем несколько сухой, тщательно детализирующей ремесленной манеры немца Штелина.

Однако в истории русского искусства Махаев занял особое место как гравер чрезвычайно ценных с точки зрения истории архитектуры зарисовок Петербурга и современных ему городов.

Гравюры Махаева, едва ли не лучше всех многочисленных изображений Петербурга, передают помпезную монументальность и официальную торжественность «Северной Пальмиры», не утрачивая при этом документальной точности изображения. Помимо «ландкарт» и видов Петербурга и его окрестностей Махаев выполнил по правительственному заданию многочисленные провинциальные «городов различных видов» и оставил два особняка стоящих в его творчестве реалистических портрета «первого русского солдата Бухвостова», коего «по конец жизни и самой его кончины свидетелем», как об этом гласит подпись под одним из портретов, он являлся.

По сословной принадлежности был он дворянином, имел своих крепостных, но, хотя о количестве их мы никаких сведений не имеем, частые жалобы на материальную стесненность и главное на зависимость его доходов только от выполняемых заказов, в изобилии содержащиеся в его письмах, позволяют установить, что принадлежал он к тому слою служилого мелкого дворянства, которое может считаться интеллигенцией того времени. По роду же занятий он был художником-профессионалом.

По своему содержанию письма Махаева представляют собою нечто очень пестрое. Основной темой их являются деловые отношения с Тишининым, связанные с заказами последнего на чертежи различных построек для его усадьбы, выполняемыми как самим Махаевым, так и знакомыми ему художниками. Среди них имеются персонажи такого первостепенного значения, как В. И. Баженов³. Сведения о нем, содержащиеся в письмах, существенно дополняют те скудные данные, которыми располагаем мы о первых годах пребывания его в России, после возвращения из зарубежной командировки. Сюда же примыкает материал, касающийся других художников, с которыми имеет дело Махаев, давая им нередко любопытные характеристики.

Из других лиц, упоминаемых в письмах Махаева, отметим Ф. А. Эмина⁴. К сожалению Махаев не сообщает никаких конкретных данных, которые дополнили бы его скудную и противоречивую биографию: но самый факт знакомства с Эминым немаловажен для характеристики круга, в котором Махаев вращался.

Самостоятельную группу образуют данные о личной работе Махаева, дающие возможность полнее осветить биографическую обстановку последних лет его жизни и работы и сообщающие некоторые новые факты о его гравюрах.

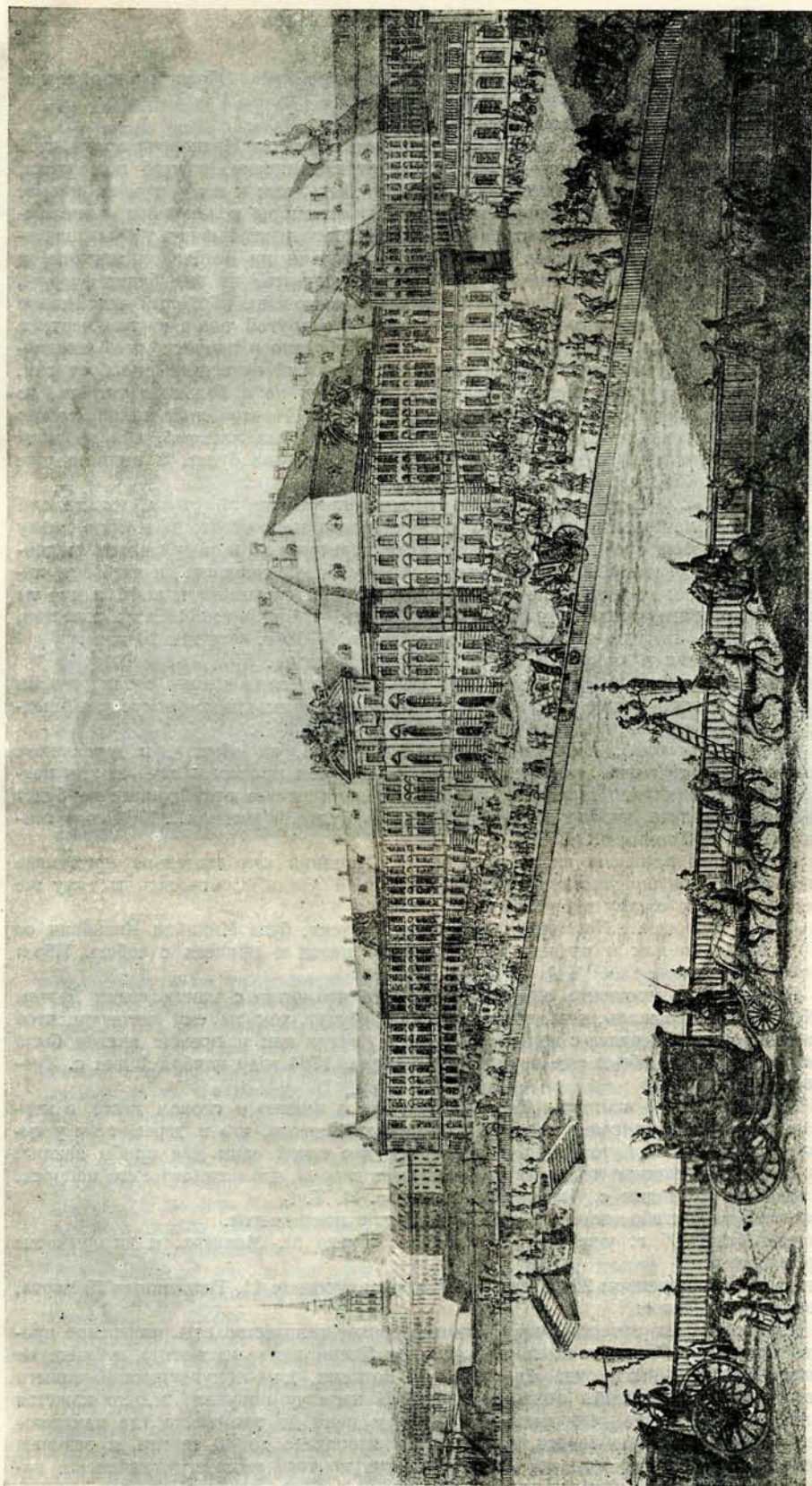
Тематическая пестрота махаевских писем, неравноценность содержащегося в них материала, а также исключительно затрудненный, испещренный архаизмами язык Махаева, его приверженность к пространному, многословным вступлениям и послесловиям,—все это вынуждает нас воздержаться от полного их воспроизведения; мы ограничиваемся лишь наиболее интересными с той или иной точки зрения извлечениями, разбитыми на четыре намеченные выше тематические группы.

На какие-либо широкие выводы и обобщения наша публикация не претендует; ее задача—ознакомить нашу научную общественность с фактическим составом этого ценного эпистолярного памятника, безусловно еще нуждающегося в дальнейшем углубленном изучении и подлежащего развернутой историко-социологической интерпретации.

Перед каждым извлечением в скобках поставлен наш порядковый номер письма или записки, из которого сделано извлечение. Выдержки из «приказов» обозначены буквой «п». Орфография оригинала нами почти сохранена. В квадратные скобки заключены слова и окончания, пропущенные Махаевым.

I

По выходе в отставку в 1761 г. Тишинин поселился в деревне и занялся устройством своей новой усадьбы. Из сохранившихся документов явствует, что постройка уже в 1763 г. была в полном разгаре. Тишинин деятельно переписывался с Махае-

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ В ПЕТЕРБУРГЕ
Рисунком карандашом М. И. Махасва (1753 г.)
Русский Музей, Ленинград

вым, выполнявшим ряд поручений, связанных со стройкой. Образцы таких писем Тишинина приводим:

(п) «Человеку моему Ивану Мужскому...

О рисунках о церковном и погребях, как можно Михаила Ивановича проси, чтоб не задержал, ибо мне крайняя нужда приходят подрядчики, и чтоб пожаловал, потрудились красками и золотом оказал, где чему быть, как к нему в моем письме писано. А паче б я был рад, чтоб утвердили архитекторы колокольню, а не фигуру, ибо уже одни б были хлопоты. А притом попроси чтоб фигура была начерчена на том листе, что церковь, а старая колокольня на особливом местечке и к своему б месту была приклеена, так ежели поднимать, то вид будет фигуры, закроешь, так колокольни. И чтоб почище было начерчено, ибо оный чертеж мне для проку, а не для тасканья каменщикам и чтоб в другой раз о чистом чертеже мне его не беспокоить. Короны рисунки посылаю обратно и попроси, чтоб пожаловал, нарисовал тот, который означен годным или который он в деле апробует сам, только б также чистою работой и ежели б можно и не в большую тягость, то для проку ж мне и золотом означил так, как ей быть. И чтоб лист такой сыскал или хотя б и склеил, только б настоящею величиною был масштаб, ибо по моей мере не более поперек, а не в диаметре полутора аршина будет, а вышина уже по пропорции... 1763 г. январь 20 дня. И. Т.»

(п) Ему же: «...письмо от Махаева и чертежи погребные получены, только они не очень чисто начерчены, да притом в них нужда не состоит, ибо и по моему посланному с тобой ошибка, а теперь у меня перечерчены и подрядчиком подписаны другие. Церковной и рисунки старайся не умешкав прислать, и чтоб они начерчены были, как об них было писано, потому ж и старые присылай, а что ты сказал [об] упавшее церкви и до меня, то изрядно. Об отлучке Махаева известен, только не знаю, где его в Москве найти, жаль. 1763 г. февраля 20 дня».

Участие Махаева в строительстве весьма разнообразно.

Следующая выписка из «приказов» дает весьма интересные данные о том, что он выполняет не только как гравер, но и как художник «прикладного» искусства (предметов быта, церковной утвари и т. д.).

(п) «Иван Мужсков... попроси Михайла Ивановича, он обещал, в деревянном дворце, в галлерее снять рисунок с печей. Я при сем прилагаю еще чертеж ковчегу, попроси Михайла Ивановича начертить, мне кажется этот приличнее будет к престолу, тем паче, что он на престоле казать будет фронтоном... 1764 году сентября 16 дня с. Троицкое. Н. Т.».

Из следующих приказов видно, что Н. И. Тишинин сам деятельно принимает участие в составлении проектов своей собственной усадьбы, относясь к тому же весьма ревниво к своему творчеству.

(п) «Иван Мужсков... Посланный и с тобою прожект, буде Михайла Иванович от себя не отдал то как и прежде писал, возьми назад и привези с собою. Ибо я сочиняю другой...»

(п) Ему же: «...о прожекте моем Махаев пишет, что читал с каким своим братом с майором, так мне жаль, что многие его видеть будут, так ты ему поговори, чтоб он не обнародовал, а разве с крайним другом и притом как и прежде писано было возьми его с собою, ибо я еще пересмотрю его сам. 1764 году ноября 1 дня с. Троицкое. Н. Т.».

(п) Ему же: «...и о чертежах Махаева попроси, а именно о горном месте, о ковчеге, и ежели он шпингалет к окошку против дворцового, что в деревянном у синева мосту не заказал, то сходя с ним и осмотря такой один для пробы закажи и как поспет перешли, о чертежах пешинх оногo дворца, что в галлерее его попроси. 1765 году июля 24 дня с. Тихвино-Никольское. Н. Т.».

В сентябре и октябре того же года эта просьба повторяется.

Начавшийся 1766 г. уже дает нам письма самого М. Махаева, к которым мы и переходим.

В письме, датированном 26 февраля 1766 г. и полученном Н. Тишининым 20 марта, мы читаем следующее:

(1) «...Многим уже известно, что ея императорское величество есть намерение проехать водою по Волге, а сколько далеко от Твери вниз неизвестно, публике не открыто. И строящиеся суда едва ли скоро поспеют, для приуготовления вашего поспешить заблаговременно очень не худо. И записку получил, только кажется она мне тем не полна, что сколько от Волги реки до того места где намерены поставить триумфальные ворота, высота горы назначена до 40 сажень я разумею перпендикуляр с водою или то расстояние идет до того места, где начинаете ворота. Прошу покорно описать паки, а между тем нарочно поеду к деловым Г[оспо-

дам] инвентору и художникам кои возьмется за какую цену и на вашем полотне, или сделать один рисунок по которому у вас распишут. О том буду ждать ответа».

Из этого письма видно, что строительство усадьбы приобретает несколько иной характер в виду ожидаемого проезда по Волге Екатерины II. Сооружение триумфальных ворот и повышенные качественные требования к архитектуре всего ансамбля заставляют обоих корреспондентов обратиться к более крупным мастерам. В следующем письме М. Махаев рекомендует только что вернувшегося из-за границы архитектора В. Баженова. Это письмо даты не имеет, а пометки Н. Тишинина гласят, что оно получено 20 марта.

(6) «...Я уже от истинного намерения сего письмеца отбилсЯ далече оставя до время чтоб не скучить. Как скоро последнее из Москвы получил, видя ваше

ОРАНИЕНБАУМСКИЙ ДВОРЕЦ (проект)

Рисунок карандашом М. И. Махаева (1750-е гг.)

Русский Музей, Ленинград

неотменное и твердое намерение в тот же день, хоть ростепель и мешала, да притом таки и в церковь святую хождение было по должности... Однако скоро бросился к знакомому архитектурскую должность правящему, который недавно из Рима и Парижа Баженов есть, показывая ваши письма; намерение, план, рассмотревши сказал есть ли ему воля пропорцию места положение широты камер стен и прочего прибавить по его вкусу. Я уже в том не смел отказать, но охотно еще и просил на 29 саженьях или на 30 изволили положить длину. Я забыл теперь нет при мне плана—у него, я ж его скоро отвез. Я больше о сем и не пишу. Да еще осталось о триумфальных воротах доложить, сколь высоки нада и расстояние от Волги (для счету фонарей) до триумфальных ворот, сколько ж сажень писал в прежнем письме, да косости горы не упоминал одна ль косость или две, т. е. один ли уступ или два ежели можете показать сколько есть в том вашего знания и немудрено сбоку гору представить.

[Рисунок] вот полого [рисунок] или круче только чертами сколько пологость сажень и сколько площадка сажень от Волги реки каждое место. Затем жду ответа».

Все строительство приобретает весьма спешный и интенсивный характер, что явно сказывается во всей дальнейшей переписке.

(2) «...О чертеже для намеренного строения употреблял все нужные просьбы оному г[осподину] архитектору. Да увидел персонально, что крайность и особыми высочайшими повелениями был он отягощен. Только что едва при свечках мысли свои располагал на чертеж несколько и будучи в растроике оставил до предбудущей недели и сказал, что я де получе подумая а теперь де вижу что не в порядке вымыслы... а я меж тем схватил у него начерно начатый чертеж фасада и плана

не медлив с сею оказиею посылаю, притом прошу взять терпение; ведаю, что нужда, я и сам так заботюсь чтоб в сей надобности услужить вам, и стены все гладки без пилластр настоящий италийский манер. Только украса около окошек и на балюстраде из рисунка изволите увидеть. Только на наступающей неделе всемерно приступлю к нему для лутчего плана и рисунка фасадного; он требовал свободности в расположениях в чем я его благопристойности и отказать не смел.

Письмо получено Тишинным 29 марта 1766 г.

(3) «...Я при всей оказии имею честь приложенные старания и труды выезжего господина архитектора послать до вас то-есть план и фасад намеченному в саду строению, которым немного выходили из вашего прожекта. А только то единственно что совсем без многих украшений на ныне походный италийский вкус, который изволит жаловать наша всемилостивейшая государыня. Во оном сколько возможно рассуждая пропорции правил архитектуры так и изображали впрочем за лутчее примется вами, прибавить или отнять остается на волю вашу господскую. В нем увидите крышку невысоку но равную с глухою балюстрадою, называемою антаблементом. А выше пожелаете то также в волю продается только де разнится будет помянутым регулам. А сток воды сделать окошечками продолговатыми чуть видными сверху гызма. У грота столбы обмоклые прикажите сами какими желаете сосульками то дело штукатурам остается ж. Ежели профиль надобен или разрез извольте отписать не умышкав зделают здесь и обратно не задержу к вам отослать. Рисунков некоторого не извольте присылать потому что здесь оставлены всему копии».

В приведенных выдержках интересно указание Махаева на «италийский манер» творчества Баженова, под которым разумелись начатки складывающегося классицизма. Далее говорится о топографии постройки—расстоянии триумфальных ворот от берега Волги, характере украшений и пр.

«...План линии краткой А литера тут должно сделать повыше от сидящих господ кавалеров особо для милосливой монархини. [Рисунок]. А прочее можете понять и без толкования. В. В. лит[ера] места кавалерские.

Вот и фасад таков [рисунок].

А воротам по вашему рисунку [рисунок] так.

А их мнение так что б можно сквозь ворота проехать линиею, того ради не очень корпус возвышать. Верхней не надо де гораздо высоки стелажы будут их связи бревен [рисунок].

Литера А. вензель ея величества.

В. ворота где надо насквозь проехать.

Литера С. С. картины. Пристойные ко встрече. Лит[ера] Д. Д. также пристояные эмблемы. Лит[ера] Е. хор музыкантов и певчих над проездом в воротах. Архитектура де должна быть написанная на досках пильных краскою масляною или на воде и около ельником прибавя украшение.

Картины одни на полотне написать и на потребное время вставить, а внутри плошки, так де дешевле обойдется да и тут стелажы сажени в две, в 3 и в 4 и близ шести надо, а ежели же фронтон еще сверх подумайте какая высота связывать надо, да и от ветров сильных опасное дело».

При этом письме Махаев дает беглые наброски с проектов триумфальных ворот В. Баженова, показывающие не только немощь Н. Тишинина как архитектора, что для нас не столь важно, но и совершенно новые тенденции в произведении В. Баженова, переключаящиеся с классицизмом его позднейших работ.

В ответ на требование Тишинина о скорейшей присылке чертежей Махаев сообщает: (5) «...А начатое дело рисовку большою половиною зделано. Рисунок строению делан так как есть скромность—вкуса италийского, за который я уже и деньги свои отдал и который извольте поверить или апробовать».

«...Я их слова пишу что они якобы для меня сие [господин] арх[итектор] и заставил помощника в своем присутствии делать, теперь и ворота там же чертит, тот же помощник при архитекторе. И вам два рисунка оных ворот сообщить, да сверх того какой-то господин, я его еще не имел чести видеть, от искусного мастера рекомендован мне, что он архитектор и живописец и едет в ваши края и намерении ваши уже ведаю будет у вас и найдет вас, однако я его буду искать кажется кстати-б велю зело для церкви божией и вышеупомянутых нужд надобен грот».

«...Эмблем ни у нас в книжной акад[емической] немецкой лавке ни в ниренбергской нет. А обысканы с переводом засколько могу уторговать то буду стараться на конец ежели не уступит, так я дарствую своими и пришло с первою оказиею чрез Прокофьева...»

(6) «...Сего месяца в 21 по утру пошел к г[осподину] архитектору, который занят был новыми чертежами для его имп[ераторского] высочества к Каменному Острову. Однако в просьбе не отказано; повелел помощнику предложение мое из вашего письма встав с места выслушать и против вашего плана по мыслям вашим расположить, при чем еще спросил кто ему это чертил, я отвечал, что сам изволят по охоте своей располагать, ого, так он еще меж боярами в сем и мастерица чертить-то, прибавляя притом, что самая правда заочно нам трудно попасть во мнение другого: однако сколько возможно велел постараться перерисовать да и профиль просил середине начертить же: о наружности фасада сомнения нет, потому что ничего де не мешает его плану; оной фасад так должен остаться: разве после чего не передумает ли и вы извольт с богом свое дело начинать. Ежели оно вам и кроме присутствия милостивейшей государыни надобно будет».

Это письмо отправлено 24 апреля, получено же 10 мая 1766 г.

(7) «...О твердости земли и на каком грунте бутить г[осподин] архитектор спрашивал: я сказал что на высоком месте и твердом грунте. Почему помощник подписывал что по углам и в золе по 3, а в прочих внешних кругом стенах по 3 же 2½ кирпича внутри где 2, а инде 1½ кирпича да я не имею записочного плана сверх того подтвердили когда де есть камешки добрые и много упражнялись в строении то повысите дома и среднего грота знают сколько толсто пущать. Излог горы получен в последнем письме и крутость, прошу запискою повернее напр.: транспорта [рисунок] астралабии часть ¼ т. е. до степеней вот из сего можете понять какую определить линию и паки горизонт излога есть сей из этих, которая справедлива. А сие можно ежели транспорта нет: по нужде на глаз. Взойдите на излог, которой вам представить надо, посмотрите [вырвано] на которую-нибудь крутость тут и увидите линию, которая из сих 3-х вернее будет. Впрочем книги эмблематической позе неотыскано. А архитектора одного еще не видал, который думает в ту сторону ехать и быть у вас и мастер гротовый здесь же, а как поедет в Москву я уведомлю».

«...8 мая. А профиль обещали зачать скоро».

[Сбоку приписка]. Ваши кирпичи может большу будут по 3 около и внутри по 3 некоторые и прочие по—½ и по 1½ и по 2 также кирпичи здешние с[анкт]-петербургские».

Дата получения письма 31 мая 1766 г., а в прилагаемой записке:

(8) «...8-го мая, а как скоро получу профиль с фасадом то утруждать буду об воротах чтобы окончить, а вы между тем, уповаю, пришлите на первые и на сие писмецо ответ, жду жадно».

(9, дата получения 21 июня 1766 г.)

«... Последнее писание ваше получил от Прокофия в исходе мая месяца, в котором изволило писать о profile. От того времени все то не удавалось господину помощнику начертить его, за наступившим хорошим для строения времени. Но и ныне неосвободится да и сего дни уехал в мызу в Графе, а только успел карандашом начертить все, и посылаю сие для первого понятия, а по приезде хотел по больше разрисовать. На купол грота осмиугольник доложен быть и на всякой стороне в фонаре быть окошку. Того ради и назначено спереди полны окошки, а в стороне половина только видна, а им также целым должно быть».

Чего ради я всячески торопил г[осподина] помощника как-нибудь назнаменовывать стороны профилям строения, а особо грот и только вчера с полудни мой ученик дождавшись о. него принес. Я тот же момент велел скопировать вам нужное. А его оставить по приказанию его ж; он свой не велел посылать. Ежели все делать, что у него назначено то бы и к завтра не поспел бы с оными орнаментами, а только как и выше поминал, что нужное вам стены, окошки и прочее срисовал послать имею честь и с прежними чертежами также обходились что с них со всякого копии оставляли, а без того бы нечего здесь и делать. Внутренность же грота я принимаю намерение для вас чтоб срисовать в саду, или у нас в академии, который вам понравнее, жду повеления. Лишь только дописал писмецо сие то и скопированный профиль принесен только без украшений при сем же. Теперь только докончен и сей же момент посылаю».

(10, дата получения 24 июня 1766 г.)

«...Разрез новому строению послал на прошлой неделе. Со стороны и середина грота, и хотя желал что б при нынешней оказии послать чернилами обведя и отгущивавши дабы виднее было. Описание воротам также не готово хотя и невелики и паки оканчиваю сие писмецо с высокопочитанием моим остаюсь М. Июня 18 д.[ня] 1766».

В следующем письме даются более точные данные об участии самого М. Махаева в проектировании садовых построек.

(10, дата получения 8 августа 1766 г.)

«Требовать изволите профиль... [вырвано] Шерникова давно послано. А о внутренности стараюсь собрать лучшие мысли и с натуры срисовав композировать. Ведаю, что то еще не скоро надобно; верх грота по фасаду осмиугольник [рисунок], а по прежним круглый: так какой за красивейший изберете. Очень хотелось с господином архитектором видется. Затем к нему вчера ходил да он в Петергофе и с помощником. Только уповаю что осмиугольник и есть там. Рисунками к воротам такоже не промедлю и с здешнею оценкою».

(13, дата получения 17 сентября 1766 г.)

«Последнее вашего высокоблагородия получил вчера от Аксимова в котором описываете ваши сомнение в свободах пещерных и самой куполы такоже о фонаре над куполом. Почему я тот же час с нетерпеливостью и послал ученика с профилем за реку к помощнику или и самому г[осподину] архитектору. Понеже Аксимова сказал, что ходки ближние от вас сегодня поутру идут... А вижу тугу и сомнение ваше, но с досадно получил от помощника ответ не ясный, либо ученик пропустил. Я притом же и письмо ваше послал, он читаючи письмо сказал—неразберу»...

«Я теперь будучи достовернее уведомился от самих господ как архитектора, так и от помощника чего ради для скорого отъезда здесь карандашом на профиле назначено да и мужички идут сейчас и уповаю что лучше изволите из сего понять а для яснейшего обстоятельства я вам в скорости и опишу на письме».

Куполу сводить круглую в полщиркуля, начав от карниза, и как назначено только снизу толще. А самая оная купола в полтора кирпича над куполою балки и стойки из брусев вязать для легкости крышки: купольный фонарь пригожее осмиугольный и сделать из дерева, а можно де и из кирпича, в прочем как не видно в натуре, так оставляется на ваше рассуждение. Ниши, т. е. впадины или пещерные называете виды, особливими крышками недолжно выводить; но они придут своими сводами под назначенные карнизы. Так и на чертеже профиля карандашом начерчено для скорости из чего уже можно легко понять, да во оных же нишах или впадинах с одной стороны окошки придутся и в них же можно печки поделать, сколько потребуется, в стену впуская оные закрушки или отдушины такоже де можно внутрь грота заделать. Около одного большого купола кругом ход и жолоб для стоку воды, а оные 4 пещерные невелики все придут под прикрытие около под низ карнизного... [вырвано] ...куполы и так особливых крышек им ненада: и притом велели вам доложить не позволите ли оставить кирпичное строение до весны. Понеже де теперь уже неводь... [вырвано] ...строению для сырости воздуха и дождей и пришлось сводить что ни самое нужное строение. Впрочем предается на вашу волю».

Из-за разногласия между В. Баженовым, уехавшим, как видно из предыдущего письма, из Петербурга в Москву, и его помощником все дело с проектом осложняется. С этого момента сам М. Махаев начинает принимать деятельное участие в проектировке для ускорения всего дела.

(15, дата получения 27 ноября 1766 г.)

«Мне зело стыдно и жаль, что я от ваших повелений неуправен, а причину тому кто не ведаю, один с другим на дыбки в противности пошел добрым людям посмеха г[осподин] помощник недоволен архитектором от[о]шел в команду. Ни строил, ни ворот триумфальных не дождался; о картинах на иллюминацию, на той неделе, завтра да так то и проходит время; видя что они так тяжелы. Я нарисовал манеры с три с участком, едва залучил помощника к себе об воротах триумфальных истребовать совета (понеже он ныне далече живет так часто то ходить ко мне или приехать не допускает): тут он рассматривая сказал изрядно де только в некоторых местах поправка и говорил, что лутче де их написать на картинах на прозрачные, да так как картины пишутся водяными хорошо б для дождя непрочны. Масляными ж хотя и подороже да уж долговечны, и в меру одних столбов бревенчатых вкопав по глубже в землю, приколотить картины на время с обеих сторон какими бы штуками ни похотел и пред оными сделав пирамиды наставить плошек не подальности от ворот, чтоб весь от плошек свет падал на триумфаль[ные] ворота, которые пробы я видел у новой академии художеств и подлинно лутче нежели за картины плошки ставить. А пред пирамидами из досок статуи добродетели и прочее можно дешевле и лехче сделать и потом ельником проспективо уставить, что будет по диковиннее, а все советы для ваших надобностей составляли до приезда вашего высокоблагородия...

Как скоро готовы тому очерку воротам с картинами должно сделав присылать или лутче здесь подрядить, а всего сходнее когда сами изволите быть. О профиле

[illegible]

Вторая страница письма художника М. И. Махаева к помещику Н. И. Тишнину от 4 апреля 1766 г. Верхний рисунок слева изображает колесницу Екатерины II, съезжающую в усадьбу Тишнина; верхний рисунок справа — махаевский проект триумфальных ворот, нижний рисунок — баженовский проект триумфальных ворот

крышке расположил помощник который вчера носил с собою на Литейную к архитектору инженерному г. Шпеткею казал и сегодня, т. е. теперь к нашему г. Шумахеру послал и назад пришел ученик сказал—что почивает: после нада антаблеман болюстрат говорил, что ежели неделади каменный, то лехче деревянный, столярною работою наставить: а как крепить оной болюстраде на профиле боковом назначено в разрезе крышке железная».

(16, дата получения 30 марта 1767 г.)

«По благополучном по приезде вашем в дом почтенное письмо да и из Москвы последнее 17 мар[та] получил же. По первому отправя иллюминационные картины, профиль от грота, стекло, газеты, без скуки рапортом представлял покорно. А осталось переслать портрет ее величества милостивой государыни, да та моя беда что Мина Лукич человек надежный и деньги отданы, волочить забравшись делами. Однако сей же момент я послал к нему, а он ко мне теперь прислал о готовности оного отрепортовать. Будем стараться переслать. А иллюминация и ситуация мест не деланы были, затем что ждал с приездом Мадамы, а как надежды лишился то принялся за прежний чертеж и так на два вида делаю один ночной, а другой денной большой да не кем взять, однако рисунки уповаю ежели от бога что не зайдет, на предбудущей неделе через почту имею честь послать».

Милосердой государыни портрет завтрея отдается к Василию Трофимову. А о чертежах что у Василия Ивановича господина Баженова изволите послать сами и требовать обратно. Я думаю, что нужды в них вам не будет, тем что на профилях посланных к вам изъяснено, только разве для карниза и крышки потребна ему досочка. Рамы на портрет уповаю от других будут годны.

Объяснением иллюминации господин Задубский позадержал вид; неотменно при иллюминации и ситуации оно очень и да и необходимо надобно и как изволите получить от меня два рисунка, то меж тем не худо как бы приказали опознаться с каким бы рисовальщиком чтобы на готове и был что не покажется в скорости делано, то можно уже с сего перерисовать и ленточками или во что хотите обклеить понежнее, вам там лучше время есть переменить прибавить и проч[ее]. Ведаю что г[осподину] Баженову несвободно, разве в канцелярию от Строений г[осподин] Бланк и другие г[оспода] архитекторы, да только дорого запросят. Невозьмется ль в Покровском иконник Михайло Федоров или лучше у фабриканна Михайло Артемьева в Таганке у него и гравировальщики есть, либо близ башни Сухаревой на Колосовой фабрике у приказчика Николая Ивановича Червеннова спросить иконника Саблукова он делывал кое-что нарочито, только возьмется ль... Я писал в прежнем письме в деревню вашу, что картины благополучно отправлены; была задержка не за мною, небольшая, я о том писал, что отправлял 13 марта не помню и что посторонние эмблемы прозрачные за них плошки поставить, а средняя большая так делана, что б пред нею плошки горя освеща и следует потому чтобы ее подалее внутрь подать из линии или и все на проспект, как лучше рассудится [рисунок] вот [рисунок] либо так [рисунок] и можно будет с места на место переносить куда пожелаете; и что б дождем или мокростью какою не испортило понежнее они на клею все краски, то для [того] под крышею держать или составом вареного льняного масла не вымазать ли о чем прикажите спросить священного иерея или кого другого да и я понаведаюсь сообщу для прочного их сохранения. Фигуры в эмблемах невелики пришли по их величине и подписи по росс[ийски] и по латыне, не ровно тут такие знатоки будут. Средняя картина одною краскою, яко из камня древности только реки в живом виде и проч[ее] на то описание сообщу».

Из этого письма ясно, что В. Баженов в постройке больше не участвовал.

(17, дата получения 8 апреля 1767 г.)

«И велел быть лошади на двох дровнях с веревками и рогожами. Сам он хотел укладывать, а как клали мне за дальностью уже неизвестно. Я благонадежен на оного господина Задубского и картины как для вас будут нравны ли, а для меня в рассуждении 50 р. я был доволен».

Утесов ездил да и вчера послал Степку, почему сегодня сам пожаловал перед обедом и так два профиля сообща имея честь при сем послать; один прямой, другой боковой. А о шаблонах после нада они де еще нескоро потребны к карнизам. Однако я буду докучать посылкою почаще т. е. оных лекал. Проспекты не изготовлены за крайнюю несвободностью, тем что не только первую, вторую и масляную всю просидел, а не мне начать, то по моим мыслям не могут трафить, да и очень дорожатся. А ситуация должен я делать, которая продолжается теперь да и затем нельзя было прежде изготовить пока картины с подписями не готовы были; мне не с чего взять, а г. Задубский не сообщил и в сей нужде уповаю незамешкать».

(18, записка при предыдущем письме)

«Лекалы на карнизы Утесов господин хотел приготовить время де есть А господин Баженов в Москве хотел сделать и прислать к вам то лутче его изволите там приказать сыскать: в доме графини Анны Карловны Воронцовой его знают, где живет, может у ея сиятельства, или лутче во дворце видеть в праздник»

(19, дата получения 19 апреля 1767 г.)

«...г. Задубский державши немалое время, отделявать присестом все постороннее и верхнее было сделано одни картины им внесены были я уже неведая как обещал служить чем хочет, только б оные окончал ныне и я для такого праздника никуда да доканчивая сидел и с Усачевым оканчивали, и начал к завтрашнему дню письмо на почту и их палочку готовил. Из них изволите увидеть два проспекта ночной и денной сжатый и расстановлен порядочно по задубски, который апробуете в поднос, только надо лентами оклеить переплетчику искусному или и на холсте тонком, т. е. на полотне. На Волге по части галер двух—корма и нос: берег я писал чтоб по моему примыслу собственному, сколько можно поравнее и каменья можно закрывать (немного стоит) ельником;—сделает великолепный амфитеатр. Я сие на ваше, в практике лутчее, отдаюсь рассуждение. Картины ставить как зохочете на прямую линию или проспектов ежели можно. Только среднюю неотменно по отдалить назад и плосками освещать. На натуре тож лучше усмотрится и их можно переносить с низу наверх. Гору я пониже опустил всякой сочинитель волен для обширности картин, они тем богаче кажут и лесу менее чтобы незаглушить эмблем, все оные можно выше взгорюдя на брусья или как лутче знаете поднять тем огр[ом]... [вырван о] ...нее представляться и нехудо ежели б изволили спроситься у художника чем их вымазать, чтоб мокреть непортила—это б лутче; неровно слякость ударит да еще и сильная, повредит: да и я не упущу спросить его ж только ныне забыл да и нельзя за рекою, у нас мосты сняты и великие полыньи, скоро пройдет. Я по правилам сколько мог вверх поднявшись ощущал ваше начатое строение грота, церковь и прочее для большого резона как в дыму.

А назначенное к строению и весьма мало видно и прочию ситуацию. На другом я не подписался за тем что можете против малого чертежа описи много приставить и списать кто чисто при герольдии Токарев или кто из школяров: а для перерисовки на какой вкус желаете о том прежде писал,—найти из архитектурных кого. Лихо черную имеючи установит: на бело скопируют чище всегда. Описание господина Задубского и наше сидение в риторстве упражняющихся несколько дней то часам увидите годиться ль что, а как соберетесь и установите в порядок, вам тут вольно располагаться и прибавляя напечатать. Мне было хотели напечатать да без вашей апробации, смел ли бы я то сделать и как, там лехко и дешевле рубля в два или 3 совсем опись-та и предисловие станет меньше. Да над рисунком то большим еще было нада посидеть. Сказали недавно сегодня перед литургию, что подводы де для милостивейшей государыни велено собрать за Тверью; из того я заключаю, короткость самую времени и того ради сколько успел сидел, а там уже в переделке дай боже лутче бы не вашему вкусу заготовили, только г[осподин] Задубский представлял мне что ему случалось для монарших особ несколько крат делать, да и ныне и я видел кой поднесен был самой милостивейшей государыни не в похвальбу свою пишу и не дай господи ничем не лутче, который государыня изволили быть очень довольно, потому я осмеливаюсь вызваться, только надо скопировать чистою рукою понежнее. Я признаюсь у меня Усачев шероховато несколько тушеввал, однако в архитектурных вещах все таки лутче Задубского, который он казал рисунок от.

А что на картинах неясно изображал здесь то всяк может видеть место не дозволяет, а что чертами сверху на низ в том регула так велит.—[вырван о]...словом что не сходно место рисованное с натурою... [вырван о] ...какое изображение не сходствует с ...[вырван о] ...картинами в том имеете дополнить на красках ...[вырван о] ...ства так и водится в украшениях... [вырван о] ...прибавлением, выше писал сочинитель... [вырван о] ...и как рассмотрите из черных описаний тем картинам добродетелей, то извольте по своему плану их расположить или по назначенным нумерам в чертеж иллюминации в том воля ваша всегда есть. Ежели время остается в Москве, можете все переделав и напечатать намерение... Я только рад, что чертежи изготовил, а прочее с портретом который еще за рекою у Мины и божиться, что ему 40 р. Сава Яковлев на фабрику в Ярославль давал, да он от невестности удержался, а устоять обещал на своем слове однако не менее 20 р. Еле запоминать, некогда делать шляпки с штандартом, ежели надо, а когда не надо только черствым калачом вытереть карандаш, а где тушью сделали тут самым вострым кончиком ножичка почистить; сии способы во многом дополняют оную неисправность.

При сем же и лекалы посылаю... Ландкарточки путешествия по Волге хотя деланы, да у меня ни одного листа нет, после праздника буду иметь попросу г[оспо]дина] директора чтобы отпечатать.

А рисунков хоть бы сколько ни было и так бы худо не сделано было все сойдут с великим благодарением да еще знатым... [вырвано] ...станет. Обещайте впредь с пространным описанием будут награвированы... [вырвано] ...ливы будем хоть в малую... [вырвано] ...Сделаем... [далее все вырвано]».

Становится ясно, что вся усадьба с ее постройками для встречи Екатерины была тщательно нарисована М. И. Махеевым и подготовлена для гравировки. По приложенной записке при письме видно не только объяснение отдельных мест картины, но подписи, помещенные под рисунками.

(20, Записка)

«1) Все вещи кои ближе те по крепче, а кои далее те слабее.

АДМИРАЛТЕЙСТВО

Картина маслом М. И. Махеева (1750-е гг.)

Русский Музей, Ленинград

2) Построенные объекты, и которые строятся, те яснее рисованы.

3) Те все слабо и чуть тушью выделяваны, кои только намерены строить.

4) Горы писаны чево ради не в мере пропорции иллюминации и прочего, для великолепия представлена иллюминация без меры, однако правило везде позволяет украшать незапрещено а особо для такового прибытия.

5) На картинах не подписано на два языка в оригинале, а здесь на рисунке ни место ни время не дозволило, разве в Москве можно.

6) Ежели надобно повиднее добродетели могут особливо нарисовать, по больше каждую на осмухе или на четверти листа.

7) Галеры черная корма в тени для того и темна, чтобы другие предметы или виды откидывало так оптика учит и проч[ее] и проч[ее]. Некогда больше описывать своим благоразумием там на пространным времени дополните. Остаюсь М. М.

№ 1. Изображение представленной иллюминации во время благополучного ея императорского величества от Твери по реке Волге путешествия и повеликому снисхождению высокомонарших своих присутствиях на день обрадованного посещения высоко соизволяла всеподданнейшего своего раба сего нового Тихфино-Никольского села владельца лейбгвардии... [далее вырвано].

№ 2. Представление иллюминаций во время благополучного ея императорского величества от Твери к Ярославлю по реке Волге на галерах водошествия в денже всевозделнейшего ея императорского величества к новому Тихфино-Никольскому селу щастливого и всероссийского прибытия и по великому снисхождению высоко монаршим своим в посещения удостоить высоко соизволила владельца сего села лейб-гвардии капитана.

(21, дата получения 20 апреля 1767 г.)

«А меж тем никакше на письма ваши, как прежде, и ныне репортую, что теперь бы ничего неосталось до меня как портрет хорошенько обязать и бумага готова, да он за рекою только сегодня стали и ездить. Изображение иллюминации в двух формах насилу с своих рук проводил вчера, при чем что надлежит ситуация проспекта села как бы некое велелепие представляя я очень рад, что так еще вышло из дела непосредственно. Ежели же понадобится и время есть на то прибавя свое что, или убавя переделат, я затем другого большого и не делал. Однако как наклеит переплетчик на полотно и около лентою алою, или синею иль зеленою непостыдно поднести будет, только подписать в герольдии Токарев есть, или кто иной равно-б подписал и чертеже много ровнее письмо красы делает, а худая подпись все и хорошие дурным представит. Эмблемы ежели надо, поясняя могут рисовальщики перерисовать, как пожелаете будет всемерно еловыми сучьями уравнивать, как лутче накласть пред прибытием и на колышки зацеплять, зделает как бы нарочно на то приготовленный амфитеатр. Цветами и другие приличности сами не забудете распестрить. В симметрию гроту флигель из досок ежели б можно изрядно бы было. Украшение грота не знаю надо ль вам то просить Утесова, а он меня о деньгах просит, а откуда переплетчик ваш, с тем видно, ничего доброго не будет. Я ж вчера очень торопился, пронесся слух будто подводы велено изготовить, то не успел мало нечто доделат, а описание переписывать начал и оставил. Я предисловием разглагольственных написал неведаю сколько и долгое время умствовал, кои сообщу с портретом».

(22, дата получения 20 апреля 1767 г.)

«От г[осподина] Бажено[ва] рисунки возьмите, да теперь только разве крышка нада, а в профилях едва ли нужда».

Ныне много я рад, что мог, вам государь, отслужить по вашим повелениям настолько уважаюся деньгами, да проспектом села Тихвино-Никольского денного и ночного вида с иллюминациею, а что неясно в том всяк изволит за недозволением места, а более можно особо рисовать, как прежде писать имел честь портрет и доска при сем отправлены».

После посещения Н. Тишинина Екатериной, он, видимо страшно обрадованный, пишет, об этом М. Махаеву, который отвечает ему витиеватыми письмами с поздравлениями. Намерение напечатать изображение усадьбы, приготовленной для встречи императрицы, приобретает серьезный характер, что видно из следующего письма М. Махаева.

(приб. получения 25 августа 1767 г.)

«Ваше же намерение в знак посещения на вечную память есть весьма достойно и препрославлено... Что ж изволили прислать тетрадь я насводил с печатною, а уповаю тоже уже должно напечатано во вся концы земли: в печать проспект, разве какой вы сообщите, на том больше утверждаться буду».

Отправка рисунков задерживается, о чем М. Махаев упоминает в своем следующем письме.

(27, дата получения 25 августа 1767 г.)

«Вы обещали ситуацию места вашего прислать, как и в бытность высокомонаршея посещения похвально в прибавлениях».

Дело с гравированием начинает принимать затяжной характер, так как на следующий год мы находим соответствующее упоминание в письме М. Махаева.

(35, дата получения 26 августа 1768 г.)

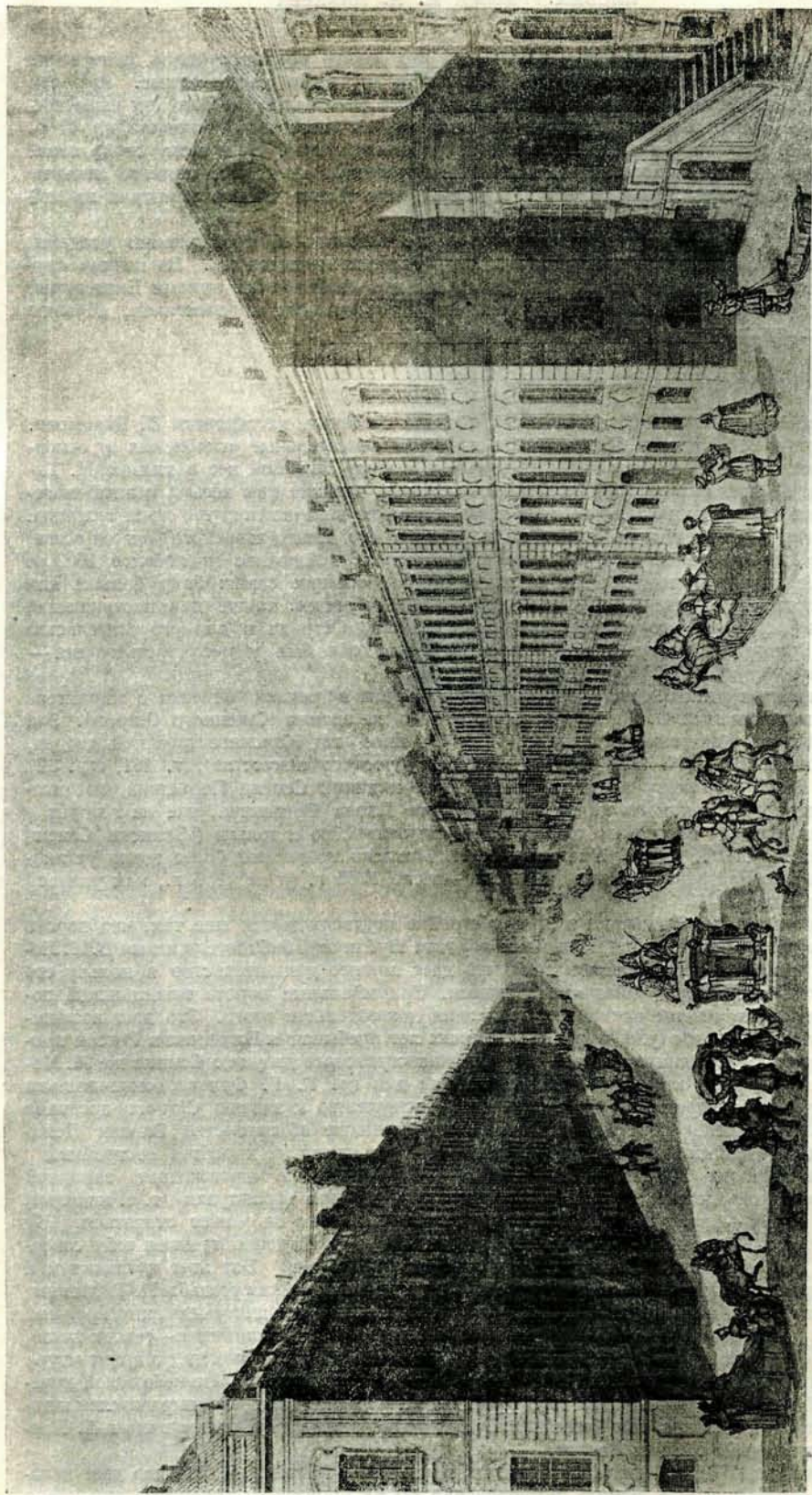
«...имею честь (все кои листы остались до нынешнего дня без отослания) вручить Егору Аксенову, а именно старый план большой, вид села иллюминации и последней по нашей с Богдановым композиции, деланной новой лист для переделки у вас пребывающему трудолюбу Дмитрию Михайлову».

«В сем новом виде как давно не заглядывал теперь развернувши рассмотрел погрешности, а тогда никто из нас не дознался. Да я уповаю и сами изволите увидя ж благодарным своим поправить те объекции кои от берега сюда к ранту надо разрисовать поболее, т. е. галер прибавить величины и людей на них больше увеличить или совсем весь берег менее с бегущим народом для пришествия милосердной государыни тоже и ...(вырвано)... оной приезд осмотреть. А на ближайшей к ранту шлюпке гребцов гораздо надо поболее сделать я бы вашего живописца сим регулам научил, и надеялся бы что он скоро переймет. Сие б со всех сторон дело полезное было».

С посланным «проспектом» что-то случилось, так как пришлось его делать снова.

(36, дата получения 2 ноября 1768 г.)

«О проспектах в оном же сетовал я пространно на Аксенова, а более на отнощика, что не зная обращаться такие свиньи (не погневайтесь милостивый государь) с бу-

БОЛЬШАЯ НЕМЕЦКАЯ УЛИЦА (МИЛЛИОННАЯ) В ПЕТЕРБУРГЕ

Рисунок карандашом М. И. Махасва (1756 г.)

Русский Музей, Ленинград

магами надобности, ей досадно крайне, да что делать рока несчастья, и не такие еще и много многожды делаются от неведения несчастья невозвратные. А в сем еще поправиться можно, вам же не очень много коштовать; не так как ныне господа оные рисовальщики получили за свой труд от известного господина по 40 р. да более и тут говорят что де еще против работы их мало. А я вижу сколь менее работа против посланного... [вырвано]... проспекта, некоторые помного дельные опять же рассудить ...[вырвано]... в рассуждении только вашего капитала за мой присмотр».

На этом, собственно говоря, кончаются все известия об изображении усадьбы. Был выгравирован этот «проспект» или нет,—остается неизвестным. Во всяком случае достоверно лишь одно: что Махаев сделал два изображения приема Екатерины, которые, следует думать, были близки его петербургским перспективам, образцы которых публикуются здесь.

II

Большой интерес представляют в его письмах сведения, касающиеся В. Баженова.

Говоря о В. Баженове, Махаев часто допускал описательные отклонения от основной темы, которые должны были придать его выбору больший вес в глазах Н. Тишинина. В них мы находим косвенные сведения, дающие нам весьма ценный материал для характеристики первых работ Баженова по возвращении его из-за границы.

(2) «Он, правда, теперь занят то ж делами его импер[аторского] высоч[ества] состоит на жалованье и в корпусе кадетском на жалованье ж поболее 1000 р. получает да и работно так же в знаемости у больших самых бояр больше как у их сиятельств, затем, что приводит большие чертежи, также для наступающей весны в основание его высочеству для Каменного Острова и для его сиятельства графа Григория Григорьевича Орлова, который сам был у него третьего дня — торопит».

В вышеприведенных выписках мы еще два раза встречаем отметки о характере работ, выполняемых В. И. Баженовым для того же здания Каменного Острова. Эта постройка на Каменном Острове есть не что иное как Каменноостровский дворец, приписывавшийся (И. Э. Грабарь. «История русского искусства», т. III, стр. 327 и 328) В. И. Баженову лишь на основе воспоминаний Семена Порошина, воспитателя тогда еще великого князя и цесаревича Павла Петровича, где он говорит о приглашении для постройки дворца В. И. Баженова, но и только («Записки Семена Порешина», СПб., 1882). Указания М. И. Махаева позволяют более точно установить начало постройки дворца, а именно—весна 1766 г. (а не 1765 г., как указано у И. Грабаря).

Авторство В. И. Баженова в этой постройке подтверждается еще тем, что ворота Каменноостровского дворца идентичны воротам Публичной библиотеки имени В. И. Ленина в Москве (бывш. Пашков дом), что дает лишнее доказательство в пользу его авторства и для этого московского здания. Триумфальные ворота тишининской постройки являются еще одним звеном в цепи доказательств этого. Это дает возможность установить, что уже в работах первых лет пребывания Баженова в России прослепугают черты классицизма (см. фасад Каменноостровского дворца). Ссылка же М. Махаева на чертежи, изготовляемые Баженовым для гр. Г. Г. Орлова, окончательно подтверждает авторство В. И. Баженова по отношению к зданию Старого арсенала (теперь разрушено) и тем опровергает предположение об авторстве Валлен Деламота, хотя последний несомненно в какой-то мере влиял на характер постройки.

Из-за границы В. Баженов привез с собой последние «достижения» западной архитектурной мысли. В здании Арсенала он выступил «французом», т. е. мастером нового стиля—классицизма, первоизвестником которого он может считаться. Но что касается Каменноостровского дворца, то в нем В. Баженов проявил себя совершенно на «италианский манер», о чем говорит М. Махаев. Вот этот итальянизм и ценен для нас потому, что то же самое проводится в постройках усадьбы Н. Тишинина, являющейся по всей вероятности единственной в этом оде для указанного времени. До нас дошел лишь дом, гладкий с сухими пилястрами и наличниками—совсем такой, каким он рисуется по письмам М. Махаева. Этот итальянизм переходит в архитектуру среднего дворянства последней четверти XVIII в., определяя облик небольшой помещичьей усадьбы. Это начало того русского палладианства, ярким выразителем которого стал М. Казаков, так блестяще переводивший североитальянские виллы А. Палладио в усадьбы средней России.

В письмах 1767 г., когда В. Баженов жил уже в Москве, М. Махаев дает некоторые биографические данные, позволяющие также произвести некоторые изыскания

Н. И. ТИШИНИН

Портрет маслом И. К. Березина (1757 г.)
Третьяковская Галерея, Москва.

в направлении освещения деятельности знаменитого мастера в его первые годы работы в Москве.

(16) «Ежели господина Баженова не изволили видеть, то прошу послать на Воронцова двор, покойного канцлера, когда ж и там нет, то они живут с братом с майором Алексеем Григорьевичем Хамаровым в Старой Басманной а у кого не знаю, а ежели не так, то в Новодевичьем монастыре точно можно ведаť от монахини госпожи Митродорицы, мать его. А ближе в Московском Магистрате у господина за секретаря Никифора Алексеевича».

[Сбоку приписка] «Г[осподин] Майор вместе с г[осподином] Баженовым».

Первое упоминание о Штелине относится к апрельскому письму 1766 г. в связи с заказом на «инвенции» стихов и картинам на триумфальной арке, переданным М. Махаевым.

(5) «Инвенции для картин еще господин статс-советник не потрудился и часто не смею скучать, а после праздника буду просить».

По поводу просьбы Н. Тишинина о включении в изготавливаемые новые карты его промышленных предприятий Махаев пишет:

«Статскому советнику г[осподину] директ[ору] вчераś опять докладывал, он изволил отвечать ...[вырвано]... есть де некоторые у меня заготовлены, а остановился за тем только что на каком месте и есть ли какие фабрики. Я отвечивал, что фабрики только полотняные у вашего высокоблагородия небольшие, а в 1 версте коломенковые и бумажные в 60 верстах в городе, да и от вас коломянок есть в версте, но чужой, велел о всем записку подать, которую расспрося Степку и велел Прокофья спросить нет ли еще что у вас делается ведаю кирпичной малый завод извест... [вырвано] ...а земледелие в заглавии; р. Волга и речка Сонохта».

В следующем письме даются сведения об участии Я. Штелина в приготовлениях к встрече Екатерины в Тихвине-Никольском.

(9) «А я однако по письмам все то исправлял что и сколько было возможно. Описание о триумфальных воротах по-немецки сочинивши господину директору отдал мне, и я просил перевести хотя и не очень пространно да некогда было при сей оказии, копировал, сообщить. А лутче как рисунки нарисуют, тогда при них незамедлю прислать».

Сочиненные поэтические инвенции г[осподина] статс[кого] советн[ика] Штелина по-немецки на чайательные прибытие к триумфальным воротам и на русское перевод есть, только не успел скопировав послать; оставил до оказии».

Особое место в письмах занимают упоминания М. Махаева о современных ему живописцах. Четверо из них помогают ему в его хлопотах об украшении тишининской усадьбы—Мина Лукич или Лукиянович, как его называет М. Махаев, Колокольников, некий Задубский и ближайшие помощники М. Махаева—Утесов и его ученик по ланкартному департаменту Усачев.

(16) «...рисовальщики лутчие отпущены от академии по причине, что на то особо есть Акад[емия] Художеств и другие не принадлежащие до Акад[емии] Наук в том числе и моя должность оставляется, а только быть при ланкартном департаменте куда и учеников более придали. И Усачев мой места ищет—так велено, я было старался удерживать; и неведаю, как последует».

(17) «...Мину же Лукияновича не получали долго а только обещали день за день [сбоку приписка «только его дома нет не застали»] и денег отослал своих сверх ваших взятых от переплетчика—10 руб. семь рубл. своих, так и будет 17 р. И тако за картины г[осподину] Задубскому додачи 25 р. Да г[осподину] Колокольникову 7 р. всех издержано 32 р.—За подписи на картинах особо платил, хотя не столь много, как надо, да и даром нельзя-ж, соблюдая регулу воскресную и субботную. Писал два дня и еще описание».

Р. К.

Г. Штафенгагену за перевод	1	
Утесову передавано в разн[ое] время	2 30	От коего и поныне не отобьюсь.
Г-ну Задубскому.	45	
Ему же при рисованию на бумаге фигур эмблемат[ических]	2 50	с 4-мя язычным переводом.
Ученику за подписи черн[ые].	— 50	только прочее на мой счет взял от себя посылал.
Что Мише Колокольникову в уплату. 3		О газетах и стихотворстве не упоминаю ничего не стоят: что до истин[ного] под- лежит, то почти ничего даром не хотят за те служи. 17 р. не в счет сие.
За Степку прошл[ый] [1]766 год	36	
За ученье арифметики г. Губину	12	за г[осподину] Полидорскому сколько прикажете, а на первой случай по много детству 1 р.
За серебряную доску	45	

Итого ныне осталось. . . 128 30 сие натурою».

(34) Утесову в разное время за рисование профиля грота бокового и прямого да и шаблоны лекалы сверх ваших тогда данных от меня точно аже тягостен мне был передавал 2 р. 30

Г[осподину] Задубскому при рисовании иллюминации фигур и прочих эмблемат книжкою на пять языков. 2 р. 50

в том числе план Петербургской чего б ни требовал не мог отказать.
Ученикам двум за подпись эмблем, потому что худо у него подписывать
стали я тотчас прислал и им после заплатил своих денег 50

Все эти живописцы конечно являются второстепенными или даже третьестепенными мастерами, в продукции которых мы вряд ли найдем что-либо интересное. Но характерно то, что именно они обслуживали основную массу среднепоместного дворянства, к которому принадлежал и Тишинин.

Интересно еще следующее известие:

(27) «А Мина Колокольников здесь на днях писал с моей рожки на остаток в потомство, а не для себя».

Следовательно портрет Махаева существовал. Не есть ли вторая махаевская граюра портрета Бухвостова изображение его самого, тем более, что подписи об изображаемом под ней нет?

Еще в 1758 г. Тишинин заказывает свой портрет Ивану Кузьмичу Березину, устюжскому живописцу, в пендант к портрету своей первой жены Ксении Ивановны, урожденной Тарбеевой, умершей в предыдущем году (р. 1736 г.). Этот портрет—тоже работы И. Березина. Сделавши копию с оригинала, писанного И. Вишняковым в 1755 г., И. Березин пишет два грандиозных полотна «в меру позитурь» и подписывается наполовину латинскими буквами. Его же кисти принадлежит и портрет дочери Н. Тишинина Екатерины, висящий в Третьяковской галерее. Оригиналы на всех трех портретах даны в застывших условных позах, типичных для

парадной придворной живописи. Н. Тишинин в мундире поручика лейб-гвардии Измайловского полка, на фоне лагеря и со свитком в руках, опершись на некую барочную тумбу-постамент. Его жена в пышном платье эпохи Елизаветы. В рыбинском Государственном музее висят еще два портрета Н. Тишинина и его первой жены, поясные, выдержанные в светлых тонах, значительно выше по качеству работы и значительно более реалистичные, возможно принадлежащие кисти И. Вишнякова.

Подпись И. Березина латинскими буквами показывает желание последнего несколько сравняться с иностранными столичными художниками.

Н. Тишинин, сразу после окончания военной службы уехавший к себе в деревню, вызывает живописцев.

(п) «...Человеку моему Ивану Мужскому живописца Петра Ивановича Толстова по договору его не помешкав ко мне отправлять... 25 ноября 1763. Н. Т.»

В дальнейшем Н. Тишинин заводит даже своего собственного живописца (вышеупомянутый Дмитрий Михайлов), о котором М. Махаев пишет:

(35) «Я бы его теперь дорого купил, потому что начерно обметать по моему показанию рублей на сто есть да пособников мало, только Усачев, который не свободен же. И ежели можно милость сделать присоветовать ему прямо ко мне приехать на моем коште и на подъем ему прошу пожаловать из моих денег и обещать верно то, что как приехать и отъехать безобидно ему будет, ежели не пожелает жить а о определении тоже постараться не премину. И не только советовать, а нижайше прошу уволить. Я ведаю, что в ваших повелениях обстоит разве его своим делом удержите в том, я уже не хочу огорчение наводить более. А сие бы служило и для вашей надобности он может лучше к художеству сему навывкнув услугу свою на вашу и свою пользу употребить».

«Я бы надеялся от вашего Дмитрия Михайлова вернее снятому месту всякому быть, только жаль, что он правил перспективы не учил. А ему не много показания надо. А за очи нельзя учить».

(36) «Оставляю вам ненадобность пустоту и возвращаюсь к вашим письмам. Правда я чаял его при тех господах рисовальщиках вашего Дмитрия Михайлова с лучшим прибытком доставить, не менее того по его склонности доставил бы учение, он бы присмотрелся скоро помогать когда прилежен; однако для вас все сие оставляю».

К. И. ТИШИНИНА

Портрет маслом И. К. Березина — копия
с И. Я. Вишнякова (1757 г.)

Третьяковская Галерея, Москва

От этого Дм. Михайлова сохранилось письмо, из которого можно заключить, что он работал на стороне с учениками-крепостными того же Н. И. Тишинина, что наблюдалось и позднее, например у П. Б. Юсупова в Архангельском.

В последних своих письмах М. Махаев упоминает своего знакомого Ф. А. Эмина, одного из интереснейших по своей биографии и творчеству людей нашей литературы XVIII века.

(36) «В вечеру вчера приехал ко мне г-н Эмин. Я его кстати и спросил точно упоминая по вашему требованию российской истории продолжение ответствовал, что в исходе ноября или в декабре 3-й том, а в феврале или марте 4-й будут готовы, а там как дело покажет и сидел часа с два».

(37, дата получения 11 января 1769 г.) «Я писал в намерении быть г-н Эмин российской истории сочинитель в Москве и в Угличе».

Большое внимание уделяет М. Махаев в своих письмах литературе, книгам, журналам и газетам. Чуть не в каждом письме мы находим несколько строк на эту тему. Н. Тишинин вырастает в наших глазах в человека, внимательно следившего за политической жизнью того времени; еще в книгах приказов мы находим упоминание об этом. Выдержки по этому вопросу мы приводим не целиком, так как они заняли бы много места, не давая много фактического материала, но самые интересные места даны нами полностью. Дело идет одновременно как о продаже каких-то ненужных книг, так и о покупке новых, при чем о газетах забота самая придирчивая.

(п) «...Михайла Иванович будет требовать денег на покупку книг, о которых к нему писано, то ты ему толикое число отдай на мой счет... Газеты от него требуй, и как можно не удерживай всегда с ходоками ко мне пересылай... А за газетами ходоков только проводишь к Махаеву и ходи и тотчас ко мне пересылай. А книги как он купит, то потому ж не помешкав перешли... 1762 г. августа 10 дня. Н. Т.»

(п) «...§ 9. Ниже писанных книг купить... да просить Михайла Ивановича, чтоб по его записочке книги купить, которая у него оставлена, и справиться много ли в академической книжной лавке и у переплетчика Миллера моих книг продано и меня уведомить».

Н. И. Тишинин сам занимался переводами, о чем свидетельствует следующее место его приказов:

(п) «...переведенные тетрадки Михайла Ивановича попросить, чтоб переводчику Разумову рассмотреть отдать, а как рассмотрит не помешкав с ходоками прислать».

В следующем приказе интересно упоминание о родословной, наличие которой считалось необходимым даже для небольшого дворянина.

(п) «Крестьянину нашему Егору Аксенову... газеты от Михайла Ивановича Махаева, письмо и родословный лист получены-ж... 1765 года апреля 12 дня. Н. Т.»

История в особенности интересует Н. Тишинина, судя по неоднократным упоминаниям в письмах М. Махаева.

(6) «...Теперь римских историев ни где до мая месяца взять, потому что свободные дни, а тем с оказиею придет Прокофий».

(7) «Посылал за римскою историею было отказано нетом. Того ради вчерась сам у комиссара был и взял: а ему только было труда в магазине ходить; несвободно иногда отказывает; по рублю том; а на хорошей только 2 тома: затем и не взял: впредь извольте писать на какой бумаге. Клеволандовой истории принес на хорошей: да между ними есть серая простая, того ради не послал: поеду в корпус: хоть в среду. А вольного Экономического Собрания первых плодов в середине римских заложил тут же...»

А книги до оказии опять принес обратно Степка и теперь у меня все пять томов, т. е. римских 3 и клеволандовых 2, экономического 6-я, как прикажете».

Здесь же упоминаются первые труды, выпущенные Вольным экономическим обществом.

(9) «Небольшую книжку Вольного Экономического Собрания посылаю ж да и другой выход есть-же, ежели повелите».

(11) «Надобную инструкцию, она о межевании земель; вышла на прошлой неделе».

(12) «Ведая же ваше чистолобие книг, не ожидая более ответа, купил третью часть детского училища и форшрифты росейского морского корпуса, почтенно посылаю».

(18) «...о книжках и тетрадках ваших в третий раз в ином месте публиковать буду на сей неделе».

(23, дата получения 13 июня 1767 г.) «Книжки перенесены им в другую лавку и в ведомости напечатано и продано малое дело».

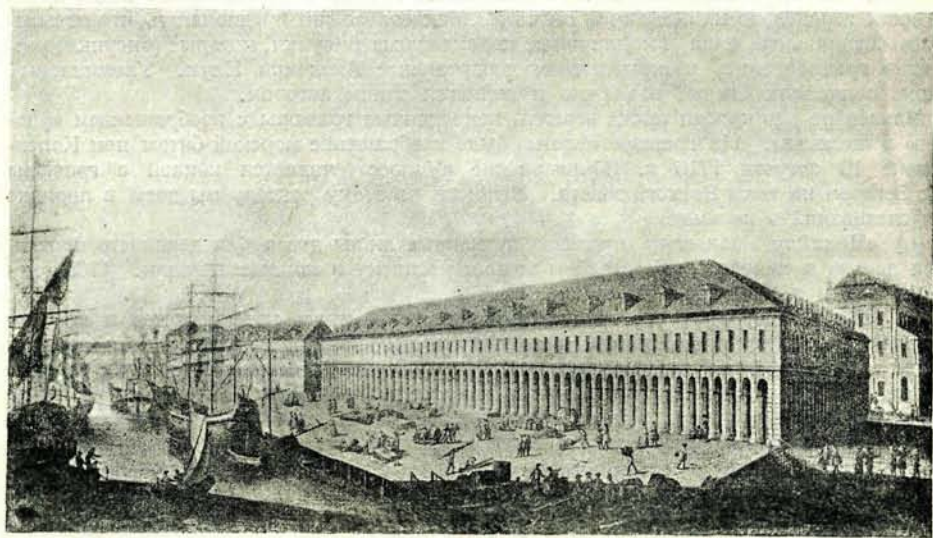
Для дочери Н. Тишинина также выписываются книги.

(32, дата получения 16 декабря 1767 г.) «Детского училища книжка III том есть в вашей библиотеке».

(38, дата получения 13 января 1769 г.) «На сей год календарь прошу благосклонности вашей удостоить приятия, таковые продаются жестоко недорого всего 20 к. Мне он показался не хуже прежнего с прибавлениями своими».

Послал бы я вам еще новинок да заранее не ведал okazji сей. Книги у нас продаются и листы гравировальные, иные действительно в пол цены. А со временем опять будут дороже. О посланных «Всякой всячине» заглавие листочках будут преисполнены сатир. Только еще оценки не положено: чаю что до 50 коп. или более не ведаю».

(40, дата получения 23 февраля 1769) «В прежнем письмеце помнится имел честь писать о нововыходящих о «Всякой всячине» по... [вырвано] ...листочков. Материи сатирические и критические, прикажете брать, в год придет 72 коп.»

ПРОСПЕКТ БИРЖИ И ГОСТИНОГО ДВОРА ВВЕРХ ПО МАЛОЙ НЕВКЕ

Картина маслом М. И. Махаева (1750-е гг.)

Русский Музей, Ленинград

(41, дата получения 29 марта 1769 г.) «Всякой всячины» разные критики выходят на неделю один лист каждой $1\frac{1}{2}$ коп. А другое «То и се» по 2 коп. лист неделю».

(34) «5. Г-на Велизара печатали в Москве однако Аксенову велю наведаться и здесь».

Артемий Астафьевич просит что б изволили отозваться от перевода Донкишотова. Есть охотник да не знаю, что то мешает не публикация ль ваша в газетах о нем».

(32) «...хотя на наступивший год об ведомостях ничего и не изволите писать; однако в несомненном уповании об оных что будете требовать... Так же при выходе (всякой всячины курьезно), каждую неделю не ведаю об оных же, что изволите приказать, а ведомости неотменно уже определено брать и взял первой № и деньги от Аксенова приняты».

В последних письмах М. Махаев упоминает про журналы, начавшие выходить в Петербурге. «Всякая всячина», где официально сотрудничала Екатерина, был одним из первых журналов того времени. «И то и се» издавалось М. Д. Чулковым. Журналы XVIII в. печатали не только литературные материалы, экономические, сельскохозяйственные и т. д. Они фактически заменяли газеты, которых весь XVIII в. насчитывает только три. В период же, к которому относятся письма М. Махаева, была всего одна — «Санкт-Петербургские Ведомости». Ее-то Махаев и пересылал Н. Тишину.

Не безынтересно отметить и вышеприведенное упоминание о трудах Вольного экономического общества, которое, будучи основано в 1765 г. в целях поднятия сельского хозяйства и промышленности дворянства, явилось организацией, наиболее созвучной всей деятельности самого Н. И. Тишина. Так что пересылка ему «Тру-

дов» совсем не случайна. «Межевая инструкция», упоминаемая М. Махаевым является лишь более исчерпывающим доказательством характеристики Н. Тишинина. Во всяком случае он выступает перед нами как человек не только заинтересованный в своем общем образовании (по преимуществу историческом), но и как представитель верхнего просвещенного слоя провинциального дворянства.

III

Письма Махаева важны для нас и в том отношении, что позволяют датировать уже более точно некоторые гравюры из серии «городов виды» и также дают основания предполагать о наличии работ, выполненных по непосредственному заказу самого Н. И. Тишинина. Главными объектами этого заказа является изображение посещения Екатерины II усадьбы Тихвино-Никольского на Волге. Второй весьма возможной гравюрой является задуманная Н. Тишининым эпитафия на смерть его матери. Что же касается известных махаевских гравюр с изображением видов крупнейших городов, то на основании писем М. Махаева можно предполагать, что посылались специальные лица, выполнявшие карандашные рисунки, которые (рисунки) уже позже гравировались в ландкартном департаменте Академии Наук. Упомянутый ниже полковник Свечин возможно и является таким автором.

Махаев не раз просил также вернуть непроданные гравюры с изображением «флотов» и «колосов». На гравюре «флоты» было изображение морской битвы при Копенгагене 13 августа 1716 г. Гравюра же «Колосс» является копией с гравюры М. Зейтера на темы Ветхого завета. Выписки по этому разделу мы даем в порядке их следований в письмах.

(п) «Михайлу Ивановичу отнеси за проданные листы два рубли девяносто копеек, кои деньги я получил, ему отдай и возьми росписку и ко мне пришли. 1765 году июля 9 дня с. Тихвино-Никольское. Н. Т.»

(2) «Да та моя беда, что требуется исправления много казенных дел и по особливым высочайшим повелениям в команду и господин полковник Свечин посадил меня на год и более; поднесением самой милосердной государыни многих городов виды, Казани и прочих и полковником пожалован прежде его высочеству, а потом уже изволил предстательствовать. Дело правда похвальное надобное полезное, да не совсем верное: и прописывал в академию, якобы через камер апскуру снимал; но как дошло дело до меня грешного, я его высо[ко]бл[агородие] скоро поймал, каким он образом снимал, только ж не худо прелесно, т. е. просто сказать усиживал; достоин всякой чести, и ежели б многие господа дворяне оставя свои роскоши в беспутных забавах, да принялись бы за надобные, и славу приносящие с пользою труды безпорно наше б государство другим лутчим ни в чем не уступало но еще б и превзошло».

(9) «Вставши или проснувшись право по пушечного выстрела, вскочи ну сызнава писать и незнаю чтобы от нововыходящих сообщить кроме сего на мой кошт грыдорованного соловецких чудотворцев тезис новой».

(17) «А перспективная должность едва ль будет у нас а в новой Акад[емии] по штату следовало и Усачеву быть не у чего, а ландкартам неучился».

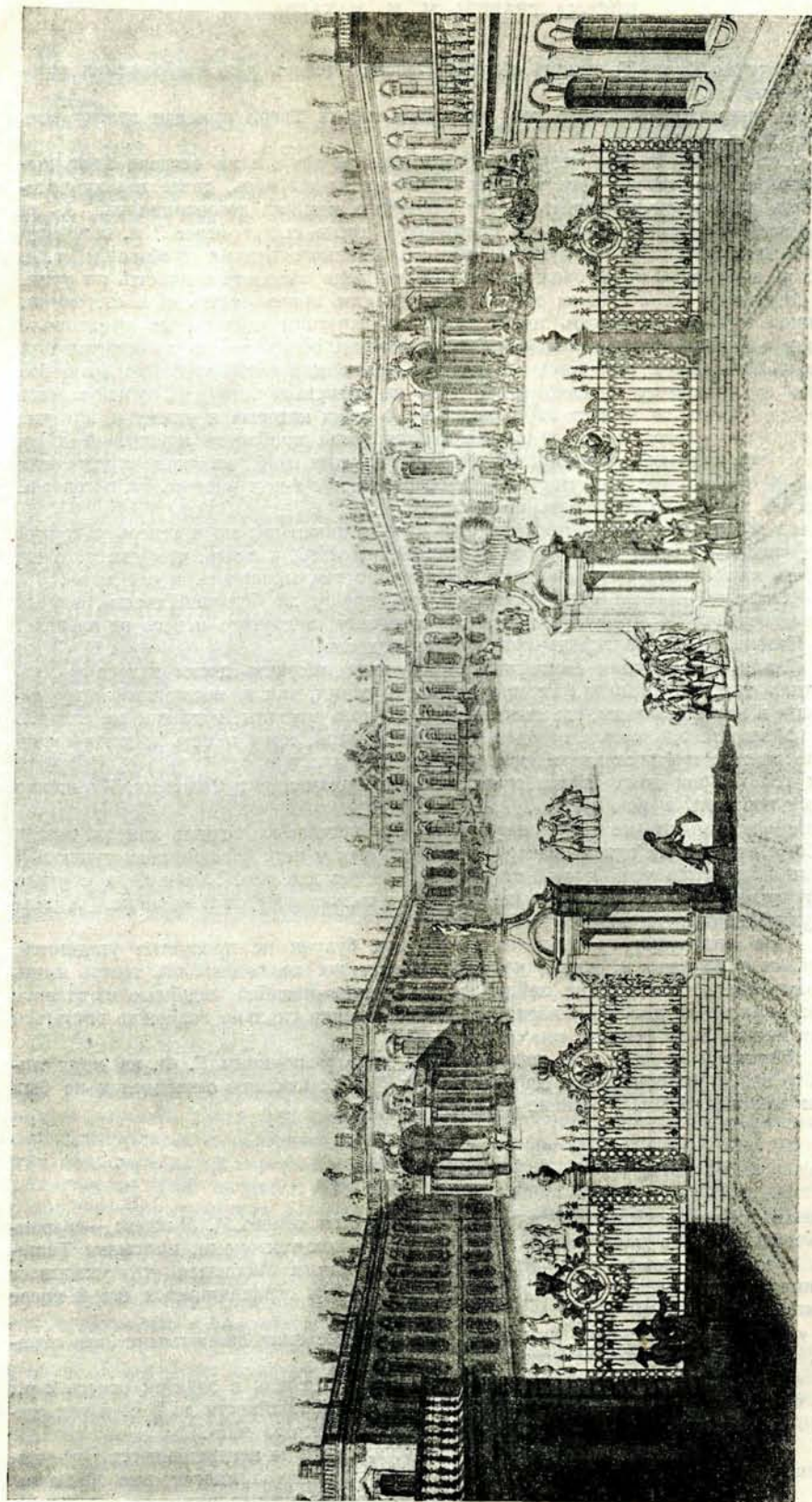
(17) «Что ж изволите требовать известие об моих листах их взято было тогда от меня [1]764 [года] февраля точно столько, сколько писано. Денег же за проданные листы более никогда не получал, как в исходе сентября [1]765 года 2 р. 90 к. из сего тож видно по счету недостает и с вычетом сих 2 р. 90 к. к ним нада доплата 15 р. 40 к. и тако хотя уступаю с рубля нетолько 5 к. хоть 10 к. только больше приходит 14 рублей мне прислать».

25 колосов по 50 копеек итого	12 р. 50 к.
25 больших цена по 40 к. итого	10 р. —
20 листов флотов по 35 к. итого	7 р. —

70	Сумма на	29 р. 50 к.
----	----------	-------------

А по письму вашему прислано столько сколько и писано; от каждого сорта нет по 15 листов четкоко оставлено, то-есть получил я колосев 10, обето (?) 10 [...вырван о]... Флотов 5 и видно [с]колько то есть большего числа нет».

(22) «А моих листов как прежде докладывал, что от каждого сорта по 15 листов не дослано, итого за присланными 2 р. 90 к. еще осталось по счету 15 р. 85 к. однако мне б более не нада хоть 14 р. и по менее уступаю. Более колосов, хотя приказать прислать не нада потому, что у меня доски оной медной нет, и от прочих листов есть доски».

ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ С ЮЖНОЙ СТОРОНЫ (был на месте нынешнего Инженерного Замка
Рисунком карандашом М. И. Махаева (1750 - е гг.)
Русский Музей, Ленинград

(24) «...еду во Свято-Троицкую обитель Невскую теперь для изображения серебряной раки».

(35) «А новых листов ничего еще нет. Вид города Твери прислан гравировать только не очень верен».

(36) «...за медным листом ездил на другой день за реку, а на острове здесь жестоко медники дорожатся. Там в рядах железных нашел медь, долее только узковата. Того ради нарочно подрежался у знакомого медника договаривался. А за ковку и медь не уповаю совсем и с полировкой доска станет менее 3 р. в пример и не толста будет. Написанную же подпись разными ценами требовали; т. е. 15 р. 12 р. а менее 10 р. не брались; однако это дело извольте положить на меня. Я вам услужить бы обещался ни за что, да сам право резать не в состоянии, а ученикам написавши отжать могут тогда из почтения сделать, да представьте какие при том опасности мне они могут в подозрение счесть что он де получал нам не дает за труд, да и вам тоже не надобно ведаю для чего, чтоб оно было без смутности души всякого удовлетворить, дабы не клеветали того для, пущай придет до окончания Аксенов и даст двум ученикам 4 р. на которых я укажу и которые режут не худо. Когда же мало им покажется тогда прибавить можно. А я им расположу все как надо, вот остались смертные орудия и облака около креста как ни есть со крестом делают они же. А об орудиях с г-ном инвентором поговорю. И в сем же письме ответить не премину».

При сем примерная армада приложена и письмо давно писано а теперь в третий раз оканчиваю. Только доски не могу тонкой отыскать, а зная, что уже потолще употребить или от вас буду ожидать поведения с тем и остаюсь и сей день».

(37) «...только отыскал один портрет кой прошу за большой счесть, впредь же будет государь цесаревича в такую же величину, а другого нового не поспело. Тверь, Казань и другие города гравировать отданы».

(38) «...для вырезывания епитафии не могу еще получить доски которому меднику отдал шведскую плиту как мне прежде говорил, так и посланному от меня, что он еще в медные заводы, где выковывают их чрез машины, туда еще не ездил...

(39) «У нас теперь новых городов Тверь и Казань, хотя и есть к dokonчанию идут; но прежде публикации не можно служить».

«Меж тем на сих днях по любопытству отец архимандрит Соловецкий приехал мальчика поручить в мою опеку».

«О епитафии ничего не пишу потому что по несчастью медник хворал теперь слава богу лехче, я на одной неделе уже 4 раза был у него обещал к наступающей неделе и я наступал чтоб к субботе сей, т. е. через два дни. Увижу, да и у нас в палате холод нет способов работать на соседи только жмутся в коморке. А дело партикулярное сие, то надо в свободные часы».

(40) «При получении из выковки доски; рад будучи не пропустил уведомить, что выкована изрядно и отдана чистить, почему же не сомневаюсь теперь иметь остановки, что от господа не зайдет в сем месяце надобно подписью изготовить разве за арматою до половины марта продлится; однако сколько возможно стараться буду не можно ль в феврале совсем кончать».

(41) «Приложу просьбу. Я догадался что надо услужнику Г. Ф. из моих листов, а то все отвечивал нет да не отыскал. Я с печалию оставался и не был доволен таким ответом. Упование еще осталось».

IV

Сведений, касающихся непосредственно жизни и быта самого М. Махаева,—сравнительно немного. Это расчеты с Н. Тишинным и архитекторами, присылка Тишинным крепостной девки и продажа крепостных самим Махавым (что указывает на принадлежность его к дворянству). Этими темами ограничивается все бытовое содержание писем.

(п) «...Михаиле Ивановичу поклонись и о кончине сына ево изъясни мое сожаление, а писать особливо не успел».

(4) «За труд помощнику архитектурскому только теперь в задаток отнес 2 р., а как ответ получу то еще ему надо добавить по самой крайности до 8 р. и так сделаю 10 р. Так велел по знаемости господина архитектора мне».

(18) «Я только разумею, что благородное слово никогда неперемениется т[о]—есть, что девочку приказать отыскать от 13 до 16 лет, которую многократно обещали».

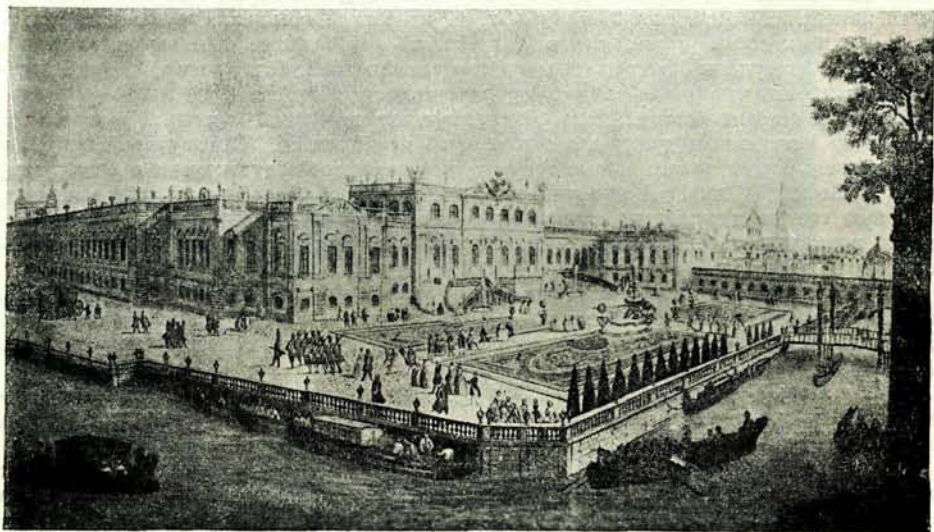
(29) «Мне истинно и самому здесь кажется страшно на непорядочное расположение смотреть да жестоко скупчив и непривычен экономические порядки содержать».

Я бы желал чтоб ни от кого не зависел, да нельзя не в пустыни живем, человек для человека... [вырвано] ...И сим едва кончать простить мою простодушную дерзость».

(38) «Я ныне деньгами крайне пообился а из долгов по простоте моей раздавшись, не могу собрать. И содержа теперь душ до 15 по здешней дороговизне право не стает жалованья 500 р. при том имеючи дома учителей с прибором и животину для младенцев к молоку и кормилицу младенцу а для себя корову не удивляюсь своему, никогда так не бывалому расходу. Смею ль доложить пожаловать адресовать рублей до 50 а в достальных сочтемся дома, из которых верный вам счет сообщен будет».

V

Отдельное место занимают встречающиеся в письмах сведения о путешествии Екатерины II и отрывочные известия о войне с Турцией (1768—1772), выделяемые нами в особую группу. Поездка Екатерины II по Волге (с 29/IV по 22/VI) имела целью

ЛЕТНИЙ ДВОРЕЦ (был на месте нынешнего Инженерного Замка)

Картина маслом М. И. Махаева (1750-е гг.)

Русский Музей, Ленинград

популяризовать императорскую власть среди населения, т. е. внушить крестьянству страх и уважение перед самодержавием, а среднему дворянству дать почувствовать, что оно является силой, на которую рассчитывает императрица. Путешествие по Волге совершалось с невероятным блеском и пышностью. Императрицу сопровождал дипломатический корпус и огромный придворный штат, насчитывающий в своем составе около 2000 человек. Это была скорее торжественная церемония-шествие, продолжавшаяся несколько месяцев на протяжении тысяч верст. Все это предприятие, задуманное чуть не за год, усиленно мусируется. М. Махаев приводит характерные слухи, циркулирующие в городе.

Посетив Н. Тишину, Екатерина облагодетельствовала своего подданного, и он спешит увековечить счастливое событие в гравюре. Интересен факт заказа карт всего путешествия и официальные причины его.

(п) «Иван... о иллюминации Михайле Ивановичу поговори, ибо шествие всеконечно из Твери будет и потому что к здешнему губернатору послан указ, чтоб из Твери дороги для того исправлять. Я не знаю, что делать с палатами недостроены, а деревянным достроить только из досок просят трехсот рублей».

(5) «В окончании сего письмеца имею честь уведомить в следующем: был я вчера у благодетеля, которого изволите и знать А. А. К. и по благосклонности такой, а чем меж тем и паки о ваших приуготовлен... [вырвано] ...напоминал как вы изволите трудится и усердность свою хотите оказать всею силою в ответ похваляя все

и преданническую искренность но с сожалением оставался только в том для вас, паче де, или сверх чаяния не будет в ту сторону путешествия ея им[ператорского] величества нашей всемилостивейшей государыни. Так де его труды и иждивении многие останутся туне. А хотя де и изволит да проехать ночью иль что такое далее не изволит удостоить посещением, так де изволька-подумать каково Николаю Ивановичу тогда будет. Кто исповесть судьбы господни и намерении их величеств».

(6) «А о путешествии по Волге к Астрахане в великом сомнении остается и на всяк день почти слышно несбытие».

(7) «Я по большей части сие письмо посылаю в предупреждении ваших интересов дабы вам в чем не избытчиться к сожалению. И с тем еще подтверждением докладываю что на всяк почти день удостоверение от многих слышится что отложен путь во Волге в окончании».

(7) «Вчера осмелился у г[осподина] директора об оном доложить путешествии: но ответ ничего более не получил; снисходительно изволил много кой о чем проговоривать, а об этом сказал ни где приказания не слышно, только народная весть молва, та как и прежде писал... Однако сие предаю на и на благоразумнейшее вашего высокоблагородия рассуждение уповаю: Пригодится гораздо гораздо и произжать намерение с божеской помощью, т. е. позвот да слышат Ярославля... [вырвано] ...и окрестные страны поревнут оказать глубочайшее свое высокопочитание к премудрой государыни немом языком или такой худа... [вырвано] ...рукою описывать неизмеримую во всех продаваемых вечностям остатки».

(9) «Я и сегодня был у Алекс. Алекс. тут же дежурной будучи... [вырвано] ...[Ф]едор Иванович подтверждая также чтоб неубытчиться. Потому что едва ли и в Ярославль будет поход. Иные говорят, что галеры обведут кругом в Оку р[еку] да и в Москву р[еку]. А нарочно просить от дороги Ярославской, как изволите. Таковую гостью дрожайшую, а притом милосердая государыня более де до земледелия вникать соизволит, нежели бы де другие какие на время употребления представления...»

(9) «...впрочем о путешествии уже нечего письма [в виду того] что опубликовано изволит выехать в исходе... [вырвано] ...февраля 1767 года, так и видно прямо в Москву и оттуда неизвестно далее. О дороге перспективной московской довольно говорят, что то отделявать или еще обождать не ведаю».

(26) «...какая любовь и радость возбуждается к великому снисхождению благочестивой и человеколюбивой государыни, что изволит жаловать своих подданных и с ними изволит говорить по-французски, как с вашей дочерью».

Начавшаяся война с Турцией отмечена М. Махеевым с указанием на отношение к ней придворного дворянства. Добавляется интересная подробность о заказе карт завоевываемых земель, включая «разделяемую» Польшу.

(37) «...так же начинают о Малороссии, Польше и около лежащих мест новейшие карты. И об оных дожидаться надо окончания».

(38) «Здесь так о войне с вероломными турками мало говорят и мало страшаться, что будто как ее и в завине нет».

(39) «Так же новая ж большая карта пространная Польши да далее турецких границ, включая Малороссию и около лежащие места весьма обширна делается и так скоро в публику, то не прикажете ли сообщить купить в книжной; а у нас кои будут только пробные не оконченные».

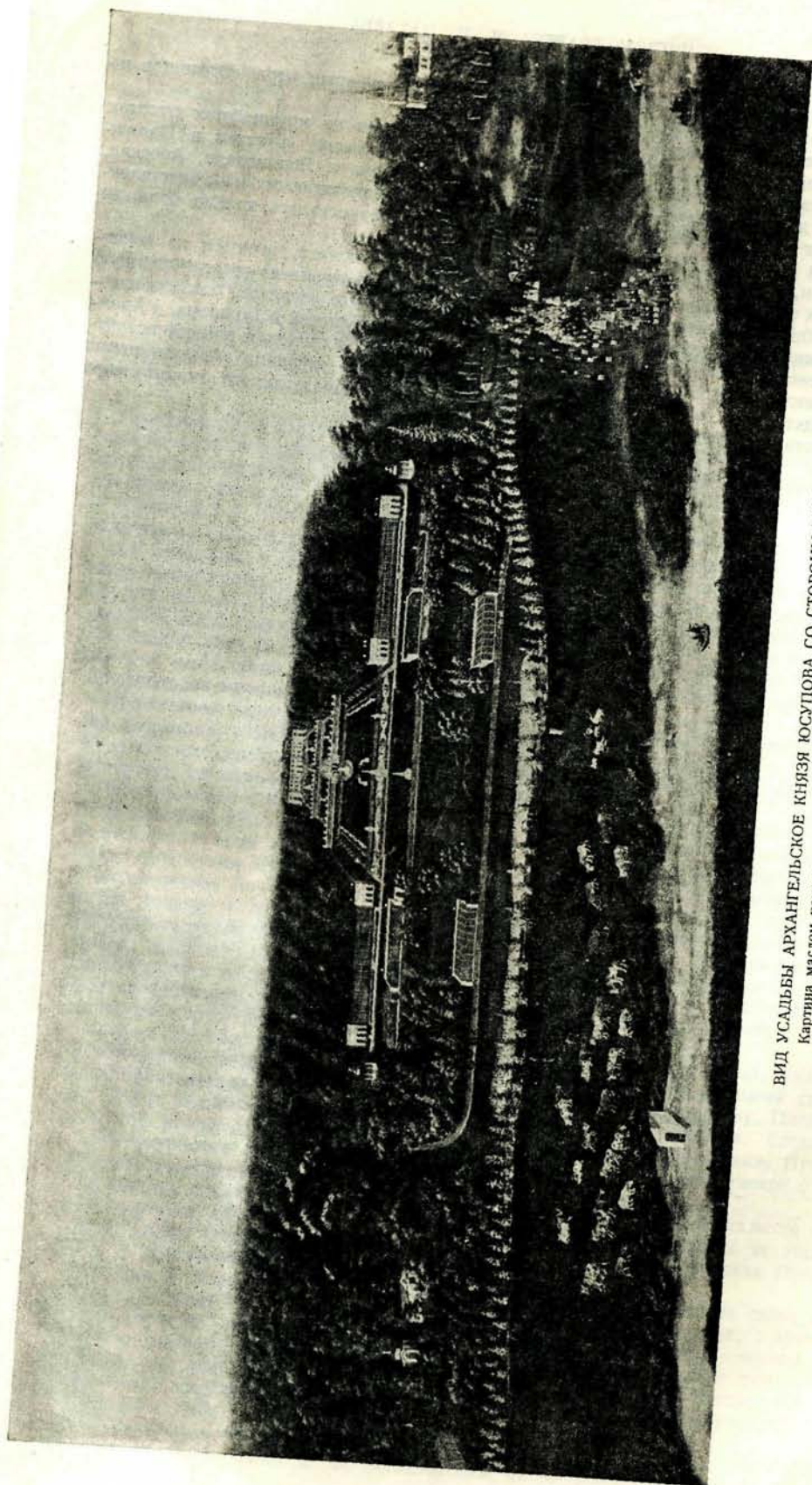
(40) «Здесь о войне с турками ничего страшаться; но продолжают все в строениях намерения також де забавы и веселие, маскарад каждую неделю».

Эта последняя тематическая группа является впрочем наиболее бледной во всем эпистолярном наследии Махеева. Повидимому он был здесь весьма сдержан и общал своему адресату далеко не все политические слухи, ходившие в столице.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В а л е р и а н и, Джузеппе (1708—1761)—итальянский живописец, работавший с 1742 г. в Петербурге в качестве «мастера живописного и комедиантского дела», позднее—«театрального архитектора». Из его работ сохранились плафоны в ленинградском Большом дворце и в «Эрмитаже» Детского Села, а также ряд декоративных эскизов.

² Ш т е л и н, Якоб (1712—1785)—гравер, мейнингенский уроженец, в 1735 г. переселившийся в Россию, а с 1747 г. возглавивший Академию Изящных Искусств, преобразованную из Художественного департамента Академии Наук. Автор «Изве-

ВИД УСАДЬБЫ АРХАНГЕЛЬСКОЕ КНЯЗЯ ЮСУПОВА СО СТОРОНЫ ПАРКА
Картина маслом неизвестного крепостного художника конца XVIII в.
Музей - дворец, Архангельское

стия о художествах в России», являющегося одним из важных первоисточников по истории русского искусства.

³ Баженов, Василий Иванович (1737—1799)—один из крупнейших русских архитекторов. Учился в Петербурге в Академии Художеств, а затем в Парижской Академии. Им выстроен Каменноостровский дворец в Ленинграде, Арсенал, ряд домов для московской знати той эпохи. Ему же принадлежит неосуществленный проект грандиозного дворца в Москве, от которого осталась только большая деревянная модель.

⁴ Эмин, Федор Александрович (ок. 1735—1770)—писатель, выходец из южно-славянских стран. В 1761 г. попал в Россию, где вскоре поступил на государственную службу. Один из первых русских романистов, пропагандист взглядов, близких идеологии французского просветительства, автор журнальных статей о Вольтере, д'Аламбере и целом ряде современных ему русских писателей. Издатель и по всей вероятности единственный составитель радикально-сатирического журнала «Адская почта» Эмин представляет собой колоритнейшую фигуру высокообразованного, талантливого авантюриста, которыми так богат был XVIII век.